

Олег Валерьевич Фомин-Шахов – культуролог, председатель АНО в защиту Традиции и семейных ценностей «Третий Муром», главный редактор портала arthania.ru, арт-директор Международного фестиваля социальных технологий в защиту семейных ценностей «ЗА ЖИЗНЬ», шеф-редактор газеты «Вифлеемский глас»

Биополитический контроль Война элит против населения

Наука-незнакомка

Возникшая в 60-е годы прошлого века на Западе биополитика осталась для нас почти незамеченной. Полноценных переводов классика этой науки Линтона Колдуэлла на русский язык не существует. Ни одной монографии. Разве что пара статей. А ведь именно идеями Колдуэлла была вдохновлена Гру Харлем Брунтланн, под руководством которой Международная комиссия ООН по окружающей среде и развитию сделала столько для внедрения понятия «устойчивое развитие» – концепции, которая нанесла очень серьезный удар по Советскому Союзу, разбив его элиты чисто биополитическими идеями. Вся эта подаваемая как нечто глубоко естественное западная риторика об «общем доме», о «конвергенции», о «загаженной экологии» в СССР, об «устойчивом развитии», о том, что Советскому Союзу «хватит и 15 миллионов населения», имеет дистиллированно биополитическое происхождение. Мы сейчас часто говорим о предательстве

Горбачева, о заговоре спецслужб, о сетевых агентах Запада. Мы даже не поняли, отчего наступила, так сказать, смерть пациента. И при диагнозе «чума» ничтоже сумняшеся пишем: «Причина смерти – перелом шеи». Разумеется, падая на последнем издыхании, пациент мог себе сломать что угодно. Но причина смерти была совершенно другая. Когда империя, испытывавшая идеологический кризис, проглотила выращенный в биополитических лабораториях штамм, ее уже было не спасти. Об антивирусе мы своевременно не позаботились. Даже не удосужились поинтересоваться о самом существовании тихого убийцы. Итак, что же это за наука такая – биополитика, – что от нее могут погибнуть целые империи? Попробуем разобраться. Но начнем изда-лека, с предпосылок биополитики.

Истоки и предпосылки биополитики

Повсеместно, во все исторически обозримые времена человеческие

войны, за исключением разве что баснословной войны ахейцев за Елену Троянскую да инициированных Римом священных войн и крестовых походов, велись за передел ресурсов. И если разобраться в вопросе обстоятельнее, окажется, что вполне настоящие — а не мифические — греки прельстились прежде всего богатством ионийских колоний, а вовсе не пытались спасти поруганную честь царя Менелая. Да и римские папы были заинтересованы в более прагматичных целях, нежели завоевание Гроба Господня или падение кары на головы провансальских катаров. Формальные поводы к войне могли выглядеть вполне благородно, однако единственной настоящей причиной всех войн становился передел ресурсов. Самые жертвенные отвоения и самые священные войны — будь то Реконкиста, поход Минина и Пожарского или освободительные войны Латинской Америки — велись прежде всего с целью вернуть несправедливо отнятые ресурсы.

Понимание ресурсов исключительно как природных богатств вульгарно. С одной стороны, и деньги в том или ином виде, и товары, и средства производства также являются ресурсами. С другой стороны, важнейший ресурс — сами люди. Ресурсом также оказываются территории, представляющие собой жизненное пространство для проживания населения и вмещения национального богатства. Схематически виды ресурсов можно было бы представить в виде треугольника (схема 1).

Все три элемента этого треугольника очень жестко связаны между собой. Треугольник обращен вершиной вниз, поскольку территории, географическое пространство являются базисом и для населе-

ния — людских ресурсов, — и для национальных богатств. (Характерно, что термин «биополитика» впервые начал употребляться в 1920-е годы именно автором термина «геополитика» — шведским социологом и политологом Рудольфом Челленом.) Классики геополитики любили повторять фразу, приписываемую Наполеону: «География — это судьба». Наличие и конфигурация береговой зоны, пронизанность водными артериями, размер ландшафт — все здесь имеет значение. Климат, защищенность местности от потенциальных угроз вторжения, отсутствие природных опасностей играют решающую роль для рождаемости и для других демографических показателей,

Население не только создает национальное богатство, но и потребляет его. В этой ситуации элиты всегда будут стремиться к депопуляции, к сокращению населения. Ведь даже при условии неравномерной дистрибуции национального богатства в пользу элит увеличение населения означает пусть и незначительное, но все же снижение достояющейся элитам доли национального богатства. В конце XVIII века интуиции европейской аристократии были оформлены научно в труде английского ученого Томаса Мальтуса (на иллюстрации) «Очерк о законе народонаселения», где связь населения с ресурсами представлена как строго обратно пропорциональная.

задавая в конечном итоге цивилизационную матрицу и формируя народный характер. Территории представляют собой также вместительность национального богатства. Не всегда, но часто наличие природных ресурсов прямо пропорционально размерам территорий. Другим важным параметром географического фактора являются дифференцированность и гетерогенность территорий, задающие возможность районирования и хозяйственной многоукладности, разнообразные геологические условия (наличие руд и минералов), пахотные земли, лес, водные ресурсы и т.д. На последующих этапах становления

общества такую же роль будут играть деньги, средства производства и товары, опосредованно — через людские ресурсы — связанные с размерами и дифференцированностью территорий. В самом грубом, схематическом приближении, без учета многочисленных дополнительных факторов размер и качество территорий прямо пропорциональны и населе-

Схема 1

нию, и национальному богатству. Иными словами чем больше территории и чем они разнообразнее, тем богаче земля и тем больше населения может на этих территориях проживать.

Однако важнейшей связкой в нашем треугольнике является взаимодействие национального богатства с людскими ресурсами. Дело в том, что население не только создает национальное богатство, но и потребляет его. В этой ситуации элиты всегда будут стремиться к депопуляции, к сокращению населения. Ведь даже при условии неравномерной дистрибуции национального богатства в пользу элит увеличение населения означает пусть и незначительное, но все же снижение достояющей элитам доли национального богатства. Просто для населения существует приемлемый прожиточный минимум, отодвинув который вниз, элиты с неизбежностью сталкиваются с угрозой самому своему существованию. Эта взаимосвязь ресурсов с населением была подмечена еще в Средние века. Французский конспиролог XIX века Грасе д'Орсе писал, что европейская знать — «жители башен» — устраивала против своих холопов «пакты голода» (известные под таким названием из истории Франции мероприятия начались только с 1729 года и стали одной из причин Великой французской революции, но нечто подобное имело место и гораздо раньше). Смысл этих «зачисток населения» был в том, чтобы оставить себе в качестве рабочей силы только действительно необходимое число «едоков». В конце XVIII века интуиции европейской аристократии были оформлены научно в труде английского ученого Томаса Мальтуса «Очерк о законе народонаселения», где связь населения с ресурса-

ми представлена как строго обратно пропорциональная. Еще дальше пошло неомальтузианство, прямо предписывавшее ограничение деторождения в «экономических» целях. Неомальтузианство, будучи порождением либеральной парадигмы, парадоксальным образом протянуло руку нарождавшемуся феминизму, продукту коммунистической парадигмы, с его главной максимой «мое тело — мое дело» и негативной евгенике, порождению парадигмы фашистской. От этого странного тройственного союза, каждый член которого был заинтересован в депопуляции, произошел феномен контроля за рождаемостью, он же — в несколько смягченном виде — планирование семьи, пламенным поборником которого стала печально известная «сократительница населения» Маргарет Сэнгер (Зангер).

Другой важнейшей предпосылкой появления биополитики следует считать дарвинизм, социал-дарвинизм и экологию как науку. Здесь на самом деле речь идет все о той же мальтузианской линии. Чарльз Дарвин, рассматривавший человека как высшее животное, был внимательным читателем Мальтуса. Социал-дарвинисты вроде Герберта Спенсера, утверждавшего, что в человеческом обществе, как и в животном мире, «выживает сильнейший», и тем оправдывавшего уничтожение человека человеком во имя «выживания», были не просто читателями, а почитателями Мальтуса. Ведь у последнего среди прочего говорится о «ловушке», якобы неизбежной в будущем из-за перенаселения и связанной с ним нехватки продовольствия, в результате чего бедные погибнут, а богатые выживут. Экология как наука происходит все из того же «гнезда». Сам термин был предложен Эрнстом Геккелем,

главным популяризатором идей Дарвина, в работе «Общая морфология организмов». Тем самым Геккелем, чье отвергнутое сегодняшней наукой утверждение, что эмбрион проходит все те же стадии, которые в процессе эволюции проходил его вид, часто служило оправданием для поборников абортов. Дескать, эмбрион «не мышонок, не лягушка, а неведома зверюшка», которую нечего жалеть. По-настоящему экология развивалась, однако, лишь в XX веке, и здесь из числа прочих экологов следовало бы выделить командора Ордена Британской империи Джеймса Лавлока, автора «гипотезы Геи», заключавшейся в том, что земля — большой саморегулирующийся организм. Лавлок был первым, кто заговорил о парниковом эффекте, массовой гибели людей из-за повышения температуры и виновности человечества перед Геей. Думается, излишне обсуждать, в чьих интересах действовал этот профессор, начинавший в 1950-е годы в Гарварде и впоследствии работавший на НАСА в рамках лунной и марсианской программ. Можно лишь добавить, что при активной поддержке Збигнева Бжезинского культ Геи (или Гайи) находит все большее число своих приверженцев в США и вообще на Западе, иные из которых придерживаются радикально «экологических» взглядов, требуя «освободить» землю от человеческого вида как такового.

Еще один важный источник биополитики — философские концепции Франкфуртской школы (Теодор Адорно, Макс Хоркхаймер, Герберт Маркузе, Юрген Хабермас и др.), занимавшейся как проблемой полного освобождения и раскрепощения индивида, так и проблемой «управляемого общества». В дальнейшем эту

проблематику подхватили философы-постмодернисты — прежде всего Мишель Фуко, обращавший пристальное внимание на проблему биовласти и давший собственное определение биополитики. А в 1978-1979 годах Фуко даже прочитал в Коллеж де Франс цикл лекций «Рождение биополитики» (хотя сам этот цикл был скорее введением в тему, нежели курсом по заявленной теме).

Несмотря на то что термин «биополитика» применялся еще в 1920-е годы Рудольфом Челленом, широкое распространение он получил только в 1960-е благодаря статье политолога Линтона Колдуэлла «Биополитика: наука, этика и социальная политика», вышедшей в свет в 1964 году. Чуть позже, в 1970-м, вышла монография Томаса Торсона «Биополитика». Именно с этого момента можно считать термин устоявшимся, хотя сама биополитика как наука на тот момент вполне уже сложилась.

Что же такое биополитика?

Существует множество определений биополитики. Мы попытались их некоторым образом суммировать и синтезировать.

Биополитика — междисциплинарная наука на стыке биологии, экологии, демографии, этики, философии, социологии, политики, экономики и военных наук. В современном мире данные, полученные с помощью этой науки, используются разного рода учеными и экспертами для политического прогнозирования, разработки законов, информирования и консультирования политиков самого разного ранга, руководителей корпораций, осмысленно проводящих биополитику в интересах «золотого миллиарда». Биополитику как чистую науку следует отли-

чать от ее практического приложения. В первом случае правильнее говорить о биополитологии, а во втором — собственно о биополитике или даже биополитици.

Сотрудник сектора биосоциальных проблем биологического факультета Московского университета Александр Олескин предлагает считать биополитикой всю совокупность «аспектов взаимного влияния биологии и политики, включая как политический потенциал биологии, так и биологический потенциал политики». Что это значит? А это значит, что, с одной стороны, модели поведения высших животных и первобытных людей могут быть спроецированы на поведение современного человека, определенных групп и в широком смысле масс, что позволяет вскрывать механизмы контроля их деятельности. С другой стороны, в область политического, и особенно в область контроля, вводятся такие, казалось бы, сугубо биологические вопросы, как генная инженерия, использование ГМО, клонирование, изъятие, пересадка и выращивание искусственных органов, искусственное бессмертие, эвтаназия. Чтобы не вызывать лишнего шума со стороны активистов пролайфа, консерваторов и традиционалистов, биополитики вне специальных исследований обычно не упоминают в этом же ряду аборт, контрацепцию, вспомогательные репродуктивные технологии, стерилизацию, вакцинирование, однополые браки, феминизм, ювенальную юстицию, предпочитая говорить о «демогра-

Герхард Маркс. Гея II. 2005 год

При активной поддержке Збигнева Бжезинского культ Геи (или Гайи) находит все большее число своих приверженцев в США и вообще на Западе, иные из которых придерживаются радикально «экологических» взглядов, требуя «освободить» землю от человеческого вида как такового.

Биополитика – междисциплинарная наука на стыке биологии, экологии, демографии, этики, философии, социологии, политики, экономики и военных наук. В современном мире данные, полученные с помощью этой науки, используются разного рода учеными и экспертами для политического прогнозирования, разработки законов, информирования и консультирования политиков самого разного ранга, руководителей корпораций, осмысленно проводящих биополитику в интересах «золотого миллиарда».

фических вопросах». Но из самого определения биополитики следует, что все касающееся контроля человеческого тела есть важнейший предмет ее интересов. И здесь медицина может выполнять заказ государства или надгосударственных структур. Отсюда можно сделать самые грустные выводы, которые даже не хочется озвучивать. Как говорил Мишель Фуко: «Тело – биополитическая реальность, медицина – биополитическая стратегия».

Конечная цель биополитики

заключается в тотальной биологизации политики и тотальной же политизации биологии в интересах мировых элит. Левые и леволиберальные критики биополитических методов пытались переложить всю вину за их применение на государство как нечто «фашистское» по определению. Например, итальянский философ Джорджо Агамбен, автор книги «Грядущее сообщество», опознавший в современном обществе концлагерь, прямо говорит о том, что биополитика представляет собой абсо-

лютное расширение суверенитета государства над человеком – вплоть до решения вопроса о том, жить человеку или каким-либо группам общества или не жить. Но речь, разумеется, давно уже не идет о государстве, представляющем собой осколок прошлого, как раз тщетно пытающегося остановить наступление беспощадного и бесчеловечного будущего. Речь идет именно о элитах, о транснациональных корпорациях, о закрытых политических клубах и т.п. Они сегодня выступают как биовласть. Последняя же, согласно все тому же Фуко, представляет собой не что иное, как «заботу о себе».

Парадигмальные основания биополитики

Как стала возможной биополитика? Ее основания надеж-

но укоренены в Постмодерне. Парадигма Премодерна, или традиции, предполагала теоцентризм. Бог был началом всего. Он был источником жизни, а человек — венцом творения, образом и подобием Божьим. Во всем царил иерархия, спроецированная в наш мир из мира универсалий, в общем-то, платоновских эйдосов. И человек являлся царем средневековых «трех царств» — минерального, растительного и животного.

В парадигме Модерна место теоцентризма занял антропоцентризм. Бог не был вовсе изгнан, но он стал фактически *deus otiosus*, праздным, отстраненным Богом, который, подобно часовщику, запустил весь механизм вселенной и ушел спать. Человек стал мерой всех вещей. Пусть не образом и подобием Божьим, что стало восприниматься как выпрениня, метафорическая по сути фраза, но все же венцом творения, вершиной пирамиды эволюции. В самом Модерне, как мы теперь понимаем, было много мифологического и неизжитого премодернистского. Эта пирамида, эволюционная «лестница Ламарка» по сути является рудиментом все тех же средневековых универсалий. Представление о человеке как о вершине, как о существе моральном, для которого недопустимы, пусть не по религиозным причинам, но по соображениям некой «гуманности», убийство, ложь, гомосексуализм, предательство и т.п. — это рудименты парадигмы Премодерна, религиозные атавизмы в гуманистическом мире.

Наконец, в парадигме Постмодерна всякое сакральное представление о человеке, будь оно сознательным, как в парадигме Премодерна, или неосознанным, как в парадигме Модерна, исчезает. В Постмодерне нет иерархии ни в прямом, ни в редуциро-

ванном виде. Вертикальные структуры заменяются сетевыми. Философы, теоретики Постмодерна Жиль Делез и Феликс Гваттари называли среду Постмодерна ризомой, используя биологическую метафору. Ризома — это беспрестанно ветвящиеся, переплетающиеся, запутанные корневища, которые способны время от времени создавать зыбкие плато, вскоре прорываемые новым ветвлением, и так до бесконечности. Центра как такового нет. Точнее, центр — сама жизнь в ее бес-

Джорджо Агамбен (на фото), автор книги «Грядущее сообщество», опознавший в современном обществе концлагерь, прямо говорит о том, что биополитика представляет собой абсолютное расширение суверенитета государства над человеком — вплоть до решения вопроса о том, жить человеку или каким-либо группам общества или не жить.

смысленном, безначальном, бесконечном, ризоматическом ветвлении. Если угодно, это биоцентризм. Человек здесь не обладает по сути никакими преимуществами, кроме уникальных эволюционных предпочтений, которые на самом-то деле случайны. С таким же успехом в тех или иных обстоятельствах могли бы получить уникальный эволюционный опыт рептилии или насекомые. Отсюда недалеко и до радикального вывода: если человек как вид хотя бы и гипотетически угрожает биосу, значит его нужно устранить. Конечно, биополитики до такого не договариваются, хотя и постоянно намекают на это. Однако на уничтожении человечества как вида или на сокращении его в разы уже настаивают некоторые радикальные экологи. В числе их требований — стерилизационные, контрацептивные, секспросветные программы, доступность абортов. При этом нет сомнений, что за легко внушаемыми одиночками стоят вполне вме-

няемые люди со вполне конкретными целями.

Структура биополитики

Что же представляет собой биополитика структурно? Как мы уже говорили, наука эта хотя и синтетическая, но все же, даже при беглом взгляде, становится очевидным, что у нее есть несколько тем и подтем. Прежде всего это направления:

- ◆ гуманологическое;
- ◆ этологическое;
- ◆ нейрофизиологическое;
- ◆ прикладное, включая экологию и все, что так или иначе связано с репродуктивными социальными технологиями. Гуманологическое направление занимается изучением онтологической роли человека, его уникальности и схожести на другие организмы, а также возможности его трансформаций, таких как создание искусственного разума, киборгизация, генная инженерия, искусственное бессмертие. Речь также идет о выращивании дополнительных органов, создании экзоскелетов, внутрен-

«Бог почил в день седьмой». Мозаика собора в Монреале (Италия). 1180-е годы

В парадигме Модерна место теоцентризма занял антропоцентризм. Бог не был вовсе изгнан, но он стал фактически *deus otiosus*, праздным, отстраненным Богом, который, подобно часовщику, запустил весь механизм вселенной и ушел спать. Человек стал мерой всех вещей. Пусть не образом и подобием Божиим, что стало восприниматься как выпренняя, метафорическая по сути фраза, но все же венцом творения, вершиной пирамиды эволюции.

них микробиотных сред, практически полностью меняющих биологическую природу человека, изоляции мозга и его соединении с компьюте-

ром. Именно отсюда берет начало такое явление, как трансгуманизм.

Направление этологическое связано с изучением поведен-

ческих моделей животных, которые начинают рассматриваться антропоморфно и социоморфно. И наоборот — на человека и на человеческие сообщества проецируются модели животного поведения. Это позволяет предсказывать поведенческие модели отдельно взятого человека и человеческих сообществ. Также это дает возможность управлять людьми по определенной схеме.

Нейрофизиологическое направление занимается способами воздействия на людей и их поведение с помощью различных — в том числе психоделических — веществ, вирусов, бактерий, а также всякого рода волн, включая инфразвук, аудионаркотики, громкую музыку с повторяющимся битом. Сюда же относятся 25-й кадр и аналогичные технологии, «машины сновидений», стробоскопические аппараты, запахи и т.п.

Прикладное направление биополитики

Прикладное, или собственно биополитическое, направление разделяется на две линии. Одна — экологическая, другая — технологическая.

Что касается экологической линии, то здесь конечной задачей мыслится выработка посредством «независимых», «объективно научных» экспертиз разного рода международных актов и резолюций, составляющих повестку дня всякого рода ооновских и тому подобных комитетов и комитетиков якобы в общепланетарных интересах. Это политика «мягкой силы», основанной на лжи. Задача этой линии «усоветить» те страны, которые якобы действуют против всеобщего благополучия, заставить под самыми благодивными предложениями развалить «вредное» производство, сократить «опасные для всей планеты» вооружения. А так-

же уменьшить рождаемость у «объедающего мир», «экономически нецелесообразного» (Маргарет Тэтчер) населения. В этом отношении характерны три наиболее устойчивые страшилки. Во-первых, парниковый эффект, ведущий в ближайшие 100 лет к затоплению большинства населенных территорий и гибели всего живого. Во-вторых, угроза перенаселенности планеты. В-третьих, беспрецедентная опасность хранения ядерных отходов и даже однократного применения ядерного оружия. Все три страшилки не раз критиковались и даже опровергались действительно независимыми учеными.

Страшилка о парниковом эффекте необходима странам «золотого миллиарда» и транснациональным корпорациям для сдерживания роста развивающихся стран, активно использующих для индустриализации углеводороды. Цель простая — устранить конкурента. Точно так же в 1980-е годы Запад постоянно тыкал СССР носом туда, куда последний якобы нагадил в мировых масштабах. Перестройка начиналась под экологическими знаменами. Причем шумиха была совершенно несопоставима с реальными масштабами загрязнения. «Закрывать заводы, загрязняющие воздух!» «Хватит гадить в Байкал!» Уничтожение наших заводов, развал нашей индустрии — вот последствия этих проплаченных криков. Хотя у нас дураков работать за «интерес», без mzды тоже хватает. Критики теорий парникового эффекта и антропогенного фактора утверждают, что подобного рода повышения температуры уже имели место в прошлом. В частности, существуют многочисленные источники, подтверждающие, что в IX—XI веках температура в Северной полушарии была гораздо выше. В Англии

рос виноград, и из него делали вино, а доплывшие до Гренландии викинги нашли ее действительно «зеленой страной», без нынешнего ледникового панциря.

Другая страшилка — мальтузианская угроза перенаселения. На самом деле даже простейшая математика говорит, что все население планеты, если каждому выделить по 1 квадратному метру, уместится в пределах малого бетонного кольца Москвы, еще и свободное место останется. А если разместить всех на территории Московской области, то всем хватит даже по скромному участку, достаточному пусть не для изобильного питания, но по крайней мере, чтобы ноги не протянуть. И это притом что почти четверть населения планеты сегодня голодает! Проблема не в бедных, которых «слишком много». Проблема в богатых, которые больше всех потребляют и ни с кем не хотят делиться. Специалисты говорят, что земля способна выдержать население до 500 миллиардов человек. При этом у нас есть в запасе 200 или 300 лет, чтобы тем временем террафицировать и колонизировать Марс, а затем и другие планеты Солнечной системы. Но это совершенно не входит в планы мировых элит. Поэтому космические программы приторможены.

Третья страшилка, о «ядерном безумии», была необходима для сокращения тактических и стратегических наступательных вооружений — в первую очередь со стороны Советского Союза. Постоянно, как заклинание, всю перестройку повторялось, что «мирового ядерного потенциала хватит, чтобы уничтожить земной шар несколько раз». При этом стыдливо умалчивалось, что в случае ядерной войны подавляющая часть ядерных объектов будет уни-

чтожена, не успев быть использованной, и большая часть ракет будет сбита в полете. Это означает, что с той и другой стороны долетели бы единичные ракеты. При этом никто ведь реально не собирался использовать ядерное оружие. Оно было необходимо именно как залог того, что на военные действия ни одна сторона не решится. И соответственно ядерный паритет обеспечивал двуполярность мира. Это была колоссальная система сдерживания.

Другой аспект касается использования ядерной энергии в мирных целях. Экологи активно борются против ядерной энергетики, что весьма выгодно углеводородному лобби. При этом характерно, что такой радикальный эколог, как Джеймс Лавлок, выдвинувший «гипотезу Геи», пишет: «Однажды тележурналист спросил меня: “А как же насчет ядерных отходов? Разве они не отравят всю биосферу, разве не останутся в ней в течение миллионов лет?” Но я всегда знал: эта фантазия-кошмар не имеет под собой никаких реальных оснований. <...> Удивительный факт, но все места, подвергшиеся серьезному заражению радиоактивными нуклидами, отличаются богатством дикой природы. Это справедливо в отношении окрестностей Чернобыля, тихоокеанских мест, где проводились ядерные испытания, района Саванна-ривер, где в годы Второй мировой войны находилось предприятие по производству атомного оружия. Дикое растения и животные не воспринимают радиацию как опасность. Она если и грозит им незначительным сокращением срока жизни, то этот риск не идет ни в какое сравнение с тем риском, какому подвергаются они в присутствии человека и его домашних животных». Таким образом, даже в среде экологов

Страшилка о парниковом эффекте необходима странам «золотого миллиарда» и транснациональным корпорациям для сдерживания роста развивающихся стран, активно использующих для индустриализации углеводороды. Цель простая – устранить конкурента.

мнения по поводу опасности атомной энергетики и ядерных отходов расходятся. Угроза появления мутантов является во многом выдумкой. Шведские ученые Свен Кулландер и Борже Ларссон в книге «Жизнь после Чернобыля» пишут, что даже у 78 тысяч детей тех японцев, которые пережили атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки, не было увеличения случаев наследственных болезней. Специалисты уже не раз объясняли, что вред природе и здоровью человека от ядерных испытаний, которых только на территории Советского Союза было свыше 700, хотя и был нанесен, но он не столь серьезен, как об этом повсюду трубят экологи.

Мы не пытаемся сказать, что опасность парникового эффекта полностью отсутству-

ет. И тем более не собираемся защищать тех, которые отравляют воду и воздух, более заботясь о собственной прибыли, нежели о здоровье людей. Мы не отрицаем того, что увеличение населения стран третьего мира ведет к голоду и к еще большому обеднению жителей этих стран. Разумеется, нам и в голову не придет защищать радиоактивное загрязнение и безответственное хранение ядерных отходов. А уж ядерной войны желать совершенно точно ни один нормальный человек не станет. Все перечисленное крайне нежелательно, с этим необходимо бороться, но с помощью адекватных мер. Однако крайне настоятельные биополитические рекомендации разного рода международных структур заведомо лукавы. Эти структуры жульничают и не

краснеют. Предлагаемые решения ни с чем не соразмерны, не имеют под собой достаточных оснований, наконец, они просто нелепы. Все равно что если бы ненароком наступившему на кузнечика все-речь предлагали ампутировать ногу, дабы впредь подобное не повторилось. Как нечто само собой разумеющееся этот абсурд воспринимается только потому, что эксперты когерентно цитируют друг друга, разного рода инстанции ссылаются на свои предыдущие постановления. А одни мировые лидеры призывают других крайне внимательно отнестись к мнению «мировой общественности» и «экспертного сообщества», для чего приглашают их поучаствовать в тех или иных международных конференциях. Заседания подобных весьма неумных, имеющих семь пятниц на неделе кувырколлегии представлятельски на самом высоком уровне и в полном соответствии с протоколом обставле-

ны. И нет никого, кто в лицо рассмеялся бы, что король-то — голый!

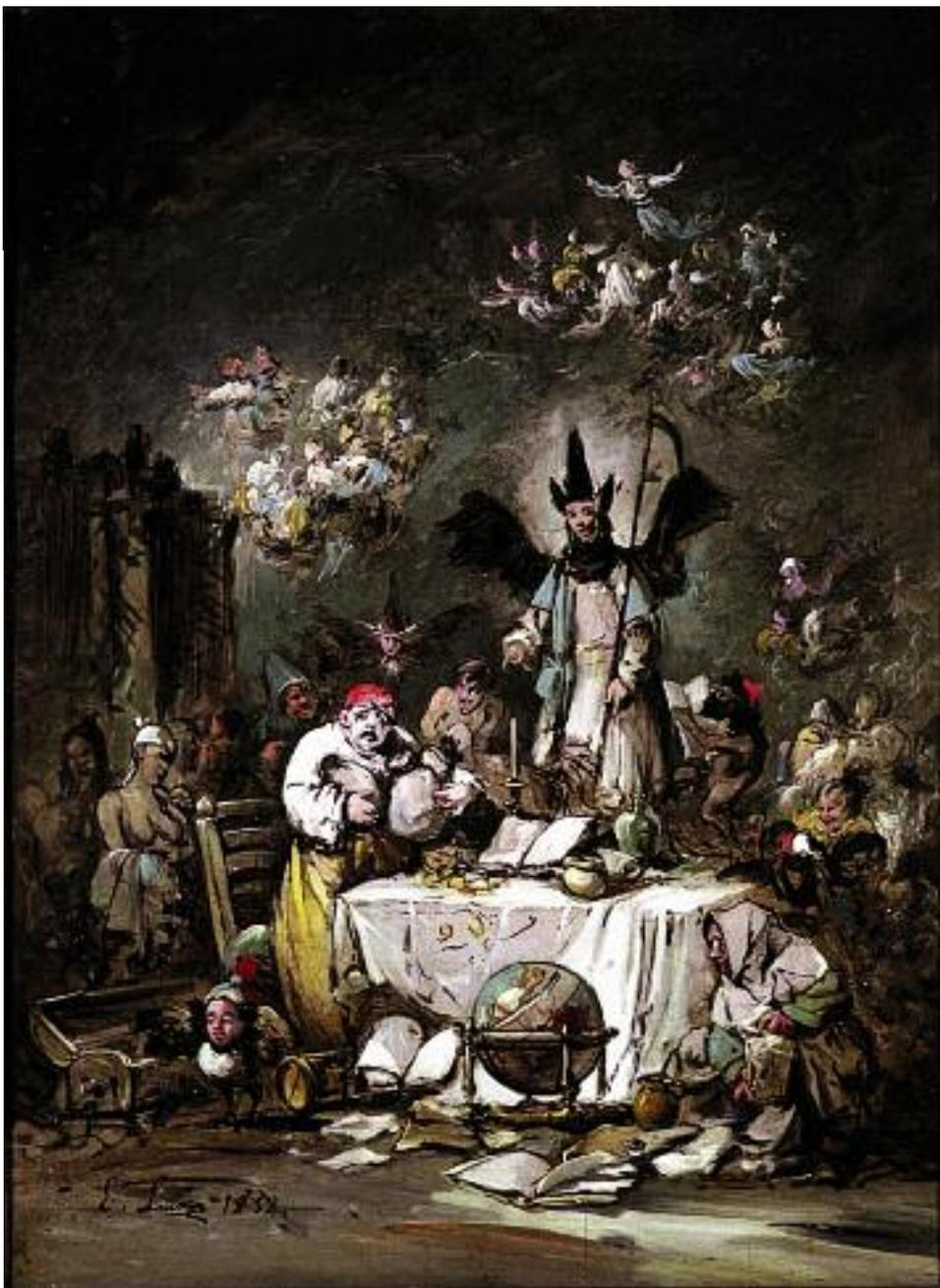
Вторую линию внутри прикладного направления можно назвать технологической. По сути в нее входят технические приложения всех основных биополитических — или, точнее, биополитологических — направлений. Насколько можно судить по обмолвкам самих биополитиков, этот раздел засекречен. О структуре его подразделений, о взаимоотношениях в этом деле ученых, политиков, военных и спецслужб судить не беремся, не будучи специалистами в данной области. Но о чем-то можно догадаться по косвенным данным. В частности, исходя из структуры гуманитарного направления, мы понимаем, что сегодня, помимо афишируемых, активно ведутся закрытые эксперименты по клонированию, генной инженерии в самом широком смысле слова, технологиям соединения человеческого мозга с компьютером и т.п. Этологическое направление активно занимается манипуляцией человеческим сознанием, помогая получать предсказуемые и желаемые результаты на выборах, требуемое поведение в случае военных кампаний и особенно в ситуации повсеместно организуемых Западом «цветных» революций. Создаются сетевые структуры, в которых начинается «роевание» — наносится множество микроударов со всех сторон: СМИ, общественное мнение, оппозиционные политики, правозащитники, террористы, невооруженные и вооруженные демонстранты и т.д. В результате под этими микротычками падает огромное государство. Сетевые, сетцентрические и меметические (использующие психические вирусы и астротурферные технологии) войны, о которых можно говорить бесконечно, также представ-

ляют собой биополитические разработки, связанные с этологическим направлением. Наиболее одиозными и отдающими конспирологией представляются разработки нейрофизиологического направления. Первые из подобного рода опытов берут свое начало еще в тоталитарных режимах середины XX века. Однако наибольшую огласку получили эксперименты, проводившиеся американскими и британскими спецслужбами в 1960-е годы и породившие феномен «психоделической революции». Главными целями этой революции были разрушение традиционных семейных ценностей у молодежи рабочего и среднего классов, разрыв межпоколенческой спайки путем наркотизации, алкоголизации и сексуального «раскрепощения», создания ложного чувства причастности к общему делу — чувства, подогреваемого громкой, «драйвовой» музыкой с воздействующими на психику повторяющимися ритмическими структурами. Словом, создание суррогатной контркультуры, разъединяющей старшее и молодое поколения, а вслед за тем легализация абортов, распространение контрацепции, социального нигилизма, лишь по виду оппозиционного правящим элитам, на самом же деле разобщающего, одновременно стандартизирующего и эгоистически индивидуализирующего человека ради его превращения не просто в несознательного обывателя, а в потребителя *par excellence*. Причем здесь совершенно очевидным образом нейрофизиологическое направление оказывается во взаимодействии с направлением этологическим. Сюда же следует отнести все эксперименты по воздействию на поведение человека с помощью изменения состава воды в водопроводе, городского

воздуха, различных волн и особенно инфразвука.

Чтобы не удостоиться вполне ожидаемого в случае поднятия подобных тем обвинения в паранойе, сошлемся на мнение уже упоминавшегося авторитетного и уважаемого российского биополитика Александра Олескина, который прямо заявил: «Биополитика — это способы воздействия на биологию человека с тем, чтобы добиться того или иного социального, политического, поведенческого, психологического результата. Есть разные способы воздействия. Специалисты выделяют шесть каналов, с помощью которых можно воздействовать на биологию человека, дабы его “зомбировать”, как это можно огрубленно сказать. Для политических целей, для социальных целей. Дабы он пошел на труд, на бой, избрал данного президента, или еще как-либо помог тем господам политикам, которые применяют эти биополитические каналы. Поведенческий, или этологический, канал — самый древний. Организационный, социально-структурный канал. Экологический канал. Генетический канал, сейчас его еще называют генно-инженерный. Нейрофизиологический канал. И с ним связан шестой канал — микробиологический. Есть еще седьмой метаканал — философский». Никто, как говорится, не тянул за язык профессора, пишущего в соавторстве с зарубежными экспертами по биополитике, обслуживающими западные элиты. Но как показала практика, самые опасные инициативы противника часто сводятся на нет из-за тяги к похвальбе. Комплекс лягушки-путешественницы, желающей крикнуть: «Это я! Я все придумала!» — пусть даже ценой падения с большой высоты, хорошо известен «лягушководам». Поэтому лягушки в подобного рода экспери-

Эухенио Веласкес. Жадность. 1852 год

Проблема не в бедных, которых «слишком много». Проблема в богатых, которые больше всех потребляют и ни с кем не хотят делиться. Специалисты говорят, что земля способна выдержать население до 500 миллиардов человек.

ментах — как всегда, расходный материал.

От биополитики к биовласти

Современная власть тяготеет к тому, чтобы стать именно биовластью, властью ризомы. По крайней мере, так это видится самим биополитикам, особенно тем из них, которым

позволили заниматься ее относительно безобидной частью. Ведь, как уже было сказано, биополитика включает в себя множество тем и подтем, подразумевающих различные уровни доступа. Конечно, мы предвидим негодование в свой адрес со стороны представителей российской биополитики. Это неудивительно, по-

скольку пятая колонна никогда не пропустит обвинений в свой адрес. И в то же время каждый честный искренний профессионал, служащий интересам своей родины, любящий свое дело, считает себя в нем предельно компетентным. А любые намеки на свою неосведомленность относительно конечных целей собственных занятий воспринимает либо как признак дилетантизма, либо как склонность к конспирологии, обвинение в которой в последнее время стало страшным жупелом, подобно запротоколированному признанию в вере в летающие тарелки, снежного человека и «кровавый навет». Но нет нужды искать заговор там, где есть контроль. Заговор — это всегда попытка перевернуть существующий миропорядок. Контроль же — имманентно присущее такому миропорядку свойство. Любое государство основано на контроле, а нынешние глобализационные процессы ведут в конечном итоге к контролю мирового масштаба. И речь здесь идет не о господах в фартуках и с молоточками, которые давно используются в качестве фальшивых мишеней. Речь именно о сети экспертов, спецов, обслуживающих разного рода международные организации.

Среди подобных организаций следует назвать Международную биополитическую организацию, основанную в 1985 году в Афинах и руководимую исследовательницей Агни Влавианос-Арванитис, а также созданный под патронажем этой организации Международный университет по биосреде. Можно перечислить и другие организации, промышленные на ниве биополитики: Грутеровский институт права и поведенческих исследований, Европейское социобиологическое общество, Комитет по биологическому образова-

нию, Ассоциацию политики и наук о живом. Биополитической проблематикой занимаются ЮНЕСКО, Римский клуб, Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию, Международная федерация институтов перспективных исследований, Всемирная организация здравоохранения, Международная ассоциация планирования семьи. В список причастных к биополитическим проектам необходимо включить Программу ООН по окружающей среде (ЮНЕП), Международный союз охраны природы (МСОП), Всемирный фонд дикой природы, Всемирную торговую организацию (продвижение на мировой рынок генно-модифицированных продуктов) и также МОНСАНТО, крупнейшего производителя ГМО-культур. Программными биополитическими документами можно считать доклад 1972 года в Римском клубе «Пределы роста» и принятую в 2000 году Хартию Земли.

Что нам делать с биополитикой

Что же со всем этим делать нашему народу и нашему государству?

Во-первых, о биополитике должны знать. Причем знать на разных уровнях. Сам термин должен стать настолько же понятным и известным, насколько сегодня понятен и известен термин «геополитика». О биополитике должны знать все: администрация президента, чиновники, военные, самые простые рядовые граждане — пусть для последних это будет даже некое эрзац-знание, достаточное для понимания лишь общих контуров явления. Нужно готовить специалистов по биополитике как в военных академиях, так и на биологических кафедрах, разумеется, после зачистки засевавшей там пятой колонны.

Во-вторых (что на сегодняшний момент является главным), нашему государству необходима выработка ответов, адекватных современным биополитическим вызовам. Требуется действительно независимое, не связанное с иностранными биополитиками и западными грантодателями экспертное сообщество, которое консультировало бы власть относительно принятия тех или иных биополитических решений. В особенности это касается принятия разного рода международных договоренностей. Причем нужно быть готовыми дать отпор той реакции, которая не замедлит явиться из уже сложившегося российского, но связанного с международными биополитическими организациями экспертного сообщества, а также из различных подразделений Министерства здравоохранения и Министерства образования, густо пронизанных западной биополитической ризомой.

В-третьих, биополитика как наука должна быть взломана и перетолкована в наших цивилизационных кодах. Наряду с изучением западной биополитики как тактики противника нам следует развивать собственную биополитику, основанную не на био-, а на тео- и антропоцентризме. Биополитика должна служить Богу и человеку, а не ризоме — сомнительной субстанции биоса. Хотя само это понятие можно перетолковать и так, как его понимал о. Павел Флоренский, бывший не только светиллом духовной мысли, но и разносторонне одаренным ученым. О. Павел Флоренский мыслил биос богоданным, то есть включенным в теоцентрическую модель, где он иерархически подчинен Богу и антропосу. Различные биотехнологии могут применяться для создания ультраэффективного постиндустриального сельско-

го хозяйства. Причем речь здесь не идет о генной инженерии. Также с помощью специальных бактерий мы сможем очищать загрязненные продуктами индустриальной деятельности почвы, водоемы и т.п. Биотехнологии позволят усовершенствовать нашу медицину без вторжений в запретную зону «мастерской Бога». Контроль за инновациями в этой области может осуществляться специальной биоэтической комиссией. Наконец, проект своего рода крестьянской автаркии в духе Александра Чаянова (деурбанизация, «зеленая революция», малоэтажность, горододеревня, высокотехнологичное сельское хозяйство) тоже является биополитическим. Например, о чем-то похожем почти век спустя после незаслуженно забытых чаяновских идей о крестьянской автаркии и горододеревне заговорил греческий биополитик Иоаннес Папаиоанну, предлагающий соединить экуменополис (планетарный город) с экуменокепосом (планетарным садом), чтобы экуменокепос и существовал в чистом виде, и проникнул собой экуменополис, обеспечивая в нем экологическое равновесие.

Мы привели лишь несколько примеров неразрушительной биополитики. Непостмодернистская биополитика позволит парадоксальным образом синтезировать традицию и науку Модерна, раскрыть богоданную природу человека, его мозга, его способностей, не насилуя при этом естество и не восставая против замысла Творца.

Обозначенные цели вполне выполнимые, первые две — даже в краткосрочной перспективе, ничего сверхъестественного в них нет. Нужна лишь политическая воля, чтобы принять эти цели и устремиться к их последовательной реализации.